

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-117-134>

Научная статья / Research Article

Правовое обеспечение цифровизации искусства

Т.Н. Михалёва

Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь;
Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация
 mikhaleva-tn@pfur.ru

Аннотация. Актуальность цифрового искусства и цифровизации искусства как более общей категории, отражающей современный технологичный подход к этой сфере жизнедеятельности человека, проявляется в активизации правового регулирования различных аспектов влияния цифровых технологий на сферу творчества и их внесения в законодательную повестку. Раскрыты правовые особенности цифровизации искусства на современном этапе. Рассмотрены основные сферы цифровизации искусства и юридические средства, обеспечивающие их надлежащее сопровождение. Охарактеризованы широкий и узкий подход к понятию «цифровое искусство», проанализированы проблемы определения прав интеллектуальной собственности на результаты творчества (произведения), полученные с использованием искусственного интеллекта, расширение доступа к произведениям искусства и объектам культуры в цифровую эпоху. В работе использован междисциплинарный подход, метод анализа и синтеза, метод абстракции, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы. На основе анализа автор формирует концепцию трех детерминирующих направлений, которые позволят комплексно подойти к сложным процессам сочетания творчества и технологий, реализовав их «развитие», «регулирование оборота» и «распределенную безопасность».

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусство, невзаимозаменяемый токен, NFT, цифровая безопасность, цифровая среда, цифровизация, цифровое искусство, творчество

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 15 ноября 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 января 2023 г.

© Михалёва Т.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Михалёва Т.Н. Правовое обеспечение цифровизации искусства // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 1. С. 117—134. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-117-134>

Legal support for digitalization of art

Tatsiana N. Mikhailiova

Belarusian State University (BSU), *Minsk, Republic of Belarus*;
People's Friendship University of Russia (RUDN University), *Moscow, Russian Federation*
 mikhaleva-tn@pfur.ru

Abstract. The relevance of digital art and digitalization of art, as a more general category, reflecting the modern technological approach to this sphere of human activity, is manifested in mainstreaming of legal regulation of various aspects of digital technologies impact on the sphere of creativity and their inclusion in the legislative agenda. The article reveals the legal features of digitalization of art at the present stage. It examines the main areas of digitalization of art and legal means to ensure their support. The broad and narrow approaches to the concept of “digital art” have been outlined. The issues of defining intellectual property rights for the results of creativity (works) produced with artificial intelligence and increasing access to works of art and cultural objects in the digital age have been analyzed. The paper applies interdisciplinary approach, methods of analysis and synthesis, abstraction as well as formal-legal and comparative-legal methods. Based on the analysis the author forms the concept of three determinative directions which enable complex processes of combination of creativity and technologies in an integrated way of “development”, “circulation” and “distributed security” of art.

Key words: intellectual property, art, NFT, non-interchangeable token, digital security, digital environment, digitalization, digital art, creativity

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 15th November 2022

Article accepted 15th January 2023

For citation:

Mikhailiova, T.N. (2023) Legal support for digitalization of ART. *RUDN Journal of Law*. 27 (1), 117—134. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-117-134>

Введение

В последние десятилетия многие вопросы сферы искусства, связанные с его созданием, распространением, владением, его значением для человека и взаимодействием субъекта и объекта в искусстве, значительно меняются. Цифровые технологии вошли в мир искусства — изобразительного, поэтического, музыкального, театрального и т.п., своеобразно воссоединив через тысячелетия некогда единую античную концепцию *techne*, ассоциировавшуюся в том числе с искусством (Zolotareva, 2019:92; Adiwijaya & Rizky, 2018).

Первые шаги «технологизации» искусства были предприняты во второй половине прошлого века. А. Хичкок использовал заставки компьютерной графики Дж. Уитни к фильмам, Д. Пол Генри изобрел рисовальную машину, а Э. Уорхолл, сделав фотоснимок актрисы, оцифровал и раскрасил его в программе. Сегодня использование цифровых технологий и даже искусственного интеллекта в создании

арт-объектов и произведений искусства различных жанров весьма распространено, а сделки в сфере цифрового искусства — это суммы от нескольких тысяч до миллионов рублей. Одно из произведений искусственного интеллекта в серии работ, сгенерированных в стиле Рембрандта, «Портрет Эдмонда де Белами», было продано на аукционе Christie's в 2018 году за 432,5 тыс. дол. США; в углу картины стоит подпись алгоритма. В 2021 году на этой же аукционной площадке за 69,4 млн дол. США был продан цифровой коллаж художника Веепле, и это самый дорогой невзаимозаменяемый токен в истории. В 2022 году наблюдался спад инвестиционного интереса к NFT. Ажиотаж вокруг цифровых активов как «дублей» аналогового искусства также воспринимается и с энтузиазмом, и со скепсисом. Оцифрованные и хранимые в качестве сертификатов уникального кода, защищенные блокчейн-технологией, отражающие некую информацию о контенте, такие активы могут быть восприняты аудиторией как собственно ценность (как, например, «Мадонна Дони» Микеланджело), но могут стать в ряд «сувениров из музейного магазина» (как, например, так и нераспроданные NFT-фрагменты «Поцелуя» Климта к Дню Св. Валентина). Как относительно новую экономическую категорию цифровые активы в сфере искусства еще ожидают колебания спроса и «выравнивание» позиций. Тем не менее творчество и искусство имеет большой резерв для развития как сектор экономики¹. Креативная экономика, или экономика идей — следующий виток развития экономики знаний, это своего рода сплав технологий и творчества, поэтому совершенствование правового регулирования оборота произведений цифрового искусства — одна из самых актуальных задач.

Как новая задача для юриспруденции, цифровизация искусства породила серьезные юридические дискуссии и прикладного, и онтологического порядка. Ряд вопросов остаются неурегулированными либо характеризуются правовой неопределенностью, в т.ч. проблема определения прав интеллектуальной собственности на цифровые произведения, раскрытия информации и обеспечения безопасности всех участников сферы цифрового искусства, сами дефиниции «цифровое искусство», «цифровой произведение», проч. Произведения, созданные при помощи цифровых технологий, отражают приближенность искусственного интеллекта к человеческому мышлению и тому, что человек всегда резервировал как свою уникальность — способность к творчеству, поднимают глубинные вопросы этики, философии, теории права, цивилистики.

Целью исследования — выявление проблемного поля теоретических и практических аспектов цифровизации искусства, определение объема понятия цифровое искусство, анализ правовых механизмов, направленных на регулирование его оборота и обеспечивающих развитие творчества и культуры в контексте новых технологий и их безопасного применения.

¹ В Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 2613-р от 20.09.2021 г. (далее — Концепция развития креативных индустрий) зафиксировано, «средняя доля сектора творческих (креативных) индустрий в мировом ВВП составляет 6,6 процента... в Российской Федерации, несмотря на высокий уровень образованности, развития науки и богатое историческое, культурное наследие, потенциал сектора креативной экономики недостаточно реализован — доля творческих (креативных) индустрий в экономике Российской Федерации составляет лишь 2,23 процента».

Материалы и методы

При работе над проблематикой правового регулирования цифрового искусства уделяется внимание основным направлениям взаимодействия права и искусства, аксиологическому дискурсу права, науки и искусства (Malyshkin, 2018; Kucherenko, 2015). Важными для понимания цели и механизмов правового обеспечения искусства и их переноса в цифровую сферу стали работы, раскрывающие сущность творчества как акта, материального и идеального в содержании произведений искусства с позиций юридической науки (Kozlova, 2015; Deryugina, 2015), особенности правового регулирования отдельных видов искусства (Nagrodskaja, 2015; Piryazeva, 2020; Volozhanina, 2019). Для определения основных направлений правового обеспечения цифрового искусства автор обращался к результатам исследований по выявлению наиболее эффективных подходов к пониманию и законодательному закреплению цифровых прав (Kuznetsov & Chumachenko, 2018; Konobeevskaya, 2019), описанию цифровых произведений как объектов гражданского оборота (Rusakova, Frolova & Gorbacheva, 2020; Ovchinnikov & Fathi, 2019; Teliukina, 2018), правовому анализу цифровых платформ (Gabov, 2021; Altukhov & Kashkin, 2021; Lobel, 2016). В доктрине обоснованно много внимания уделяется вопросам охраноспособности и прав интеллектуальной собственности на произведения искусства в цифровой сфере, авторских прав в виртуальной среде (Ippolitov, 2021; Tolochko, 2021; Rakhmatullina, 2020; Grin, 2020; Entin, 2017; Bonadio, Lucchi & Mazziotti, 2022; Levin, 2021; Ramalho, 2021), равно как и статуса искусственного интеллекта и появления цифровой личности (Bridey, 2012; Barfield & Pagallo, 2020; Krysanova, 2021; Aleshkova, 2021; Vlasov, 2021; Kharitonova & Savina, 2020). Вместе с тем, нет комплексных исследований понятия, видов, правового статуса цифрового искусства, направлений правового обеспечения цифровизации искусства.

Результаты и обсуждение

О понятии «цифровое искусство»

Цифровое искусство существует как результат взаимодействия искусства и научных технологий. В отраслевой литературе по искусствоведению, экономике отмечают, что понятие «цифровое искусство» существует параллельно с терминами «компьютерное искусство», «мультимедийное искусство», «машинное творчество», «искусство новых форм», «кибер-искусство», «виртуальное искусство», «диджитал-арт» и т.п., не разграничивая термины с точки зрения обособления их сущностных и правовых характеристик (Piryazeva, 2020; Volozhanina, 2019). С точки зрения юриспруденции важно четко детерминировать сущностные и существенные характеристики объекта правоотношений для их ограничения от смежных категорий, понятий, правовой определенности статуса и правовых последствий и т.п.

В основе понятия «искусство» заложено «творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах»². Каждому виду искусства соответствуют свои средства создания художественных образов (в хореографическом искусстве — это жесты, движения, положение тел, в живописи — колорит, рисунок, композиция и т.д.)

В широком смысле цифровое искусство — вид творческой деятельности с применением цифровых технологий, в результате которой 1) создается или 2) модифицируется такое отображение действительности. При создании произведений цифровые технологии используются и как вспомогательное средство, и как неотъемлемая часть идеи достижения определенного творческого результата.

Цифровое искусство в узком смысле — это собственно создание произведения искусства цифровыми средствами полностью или частично. Это машинное искусство или кибер-искусство, поскольку оно неотъемлемо от кибернетического механизма. Одним из видов кибер-искусства является искусство, (вос)производимое искусственным интеллектом.

Некоторые исследователи разграничивают цифровые и сетевые формы. К сетевой форме произведения относят произведения, выложенные в Интернет. Однако, как справедливо отмечают, размещение в Интернет само по себе не влияет на объективную форму, поэтому нет необходимости выделять сетевые формы произведений (Nagrodskaja, 2015:70).

В рамках данного вида необходимо также выделять те произведения, которые являются результатом, продуцируемым искусственным интеллектом самостоятельно, либо сгенерированные при существенном или малозначительном вмешательстве человека и/или под его руководством. Это различие нашло отражение в обсуждениях в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO Conversation on Intellectual Property (IP) and Artificial Intelligence (AI))³.

Во второй ситуации (модификации) уже существующее произведение подвергается цифровой трансформации. В качестве синонимов употребляют термины «оцифровывание», «цифрование», «цифровизация» (Teliukina, 2018:72). Цифровая трансформация сопряжена с переносом из аналоговой среды в цифровую с целью хранения, воспроизведения, иного включения в гражданский оборот полностью или частично в качестве информационного ресурса. Тождественный перевод произведений из аналоговой формы в цифровой формат не будет переработкой и появлением нового производного объекта. Как отмечает Р.Ш. Рахматуллина, в данном случае «следует говорить о техническом и организационном содействии (подп. 2 п. 1 ст. 1228 ГК РФ)» (Rakhmatullina, 2020:36). Однако не исключено, что цифровизация произведения может означать в том числе и действия творческого характера, вследствие чего степень оригинального вклада может вполне стать критерием отнесения произведения к производным, а не являться воспроизведением исходного аналогового произведения в цифровом формате. Отмечают и возможность обратного процесса: произведение может быть создано в цифровом виде и преобразовано в традиционную форму (Teliukina, 2018:70).

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 14-е, стер. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. «Русский язык». 1982. 814 с.

³ WIPO Conversation on Intellectual Property (IP) and Artificial Intelligence (AI). Second Session. WIPO/IP/AI/2/GE/20/1. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_ai_2_ge_20/wipo_ip_ai_2_ge_20_1_rev.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

И в первом, и во втором случае использования цифровых технологий в сфере искусства находят применение и самые последние разработки, которые характеризуют как более безопасную альтернативу многим кибер-процессам в различных сферах (Kuznetsov & Chumachenko, 2018:99; Kartschia, 2018:29), речь идет о блокчейн-технологиях. Через токенизацию произведений возникает дополнительная коммерциализация. Хранение всей информации о цифровом объекте, авторских правах на него, всех сделках с ним посредством NFT имеет и эффект синергии: чем более безопасна среда обращения, тем более привлекательным становится объект, и далее, тем более заинтересованные субъекты стремятся упорядочить правоотношения и т.д.

Цифровизация искусства позволяет говорить не только о создании качественно новых произведений, но в целом о расширении доступа к объектам культуры. Оцифровка музейных экспонатов и создание виртуальных музеев по технологии VR/AR открывает новые способы передачи и распространения результатов творчества, культурного наследия.

Одну из специальных категорий в сфере культуры и искусства — объекты культурного наследия — в силу их значимости нельзя обойти вниманием. В литературе предлагают создание 3D репозитория сканов объектов культурного и природного наследия (нечто похожее существует в проекте Google Open Heritage), и это также потребует специального регулирования. Небезынтересно в связи с этим и предположение о возникновении новой комплексной отрасли на стыке цифровой экономики, творческой индустрии, культуры и интеллектуальной собственности (Ippolitov, 2021:13). В рамках СНГ реализуется инициатива Виртуального музея культурного наследия государств-участников СНГ, и 20 мая 2020 года одобрено предложение Исполнительного комитета СНГ о формировании на его веб-ресурсах раздела со ссылками на виртуальные экспозиции музеев стран СНГ до завершения работы по созданию такого Виртуального музея.

Кроме того, есть ряд комплиментарных действий с использованием цифровых технологий, которые способны усовершенствовать правоотношения в сфере искусства: например, использование технологий для целей судебно-искусствоведческой экспертизы, внедрение инновационных маркетинговых инструментов, способов продажи, аутентификации, оплаты, страхования, логистики и т.п.

Цифровое искусство как объект правового регулирования

Основными формами взаимодействия искусства и права являются защита и охрана прав интеллектуальных прав; регулирование создания и использования произведений посредством запрещения, обязывания, дозволения, рекомендации или поощрения; отражение в произведениях искусства правовой действительности; усиление либо ослабление действия правовых регуляторов; непосредственное воздействие на поведение людей (Malyshkin, 2018:49). Ни одно из этих направлений не является исключением и для искусства, созданного или включаемого в оборот при помощи цифровых технологий. Напротив, ряд из вопросов обретают большую остроту ввиду начального этапа осмысления места цифровых объектов в правовой среде.

В правовом лексиконе все чаще встречаются словосочетания «цифровое право», «цифровой актив», «цифровая платформа». Введение произведений циф-

рового искусства в гражданский оборот требует ответы на вопросы, какова природа прав на них, являются ли они особым объектом регулирования, насколько необходимо дополнить традиционные гражданско-правовые понятия и институты новыми правовыми категориями цифрового права.

В.Д. Зорькин относит к цифровым правам «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений»⁴. Цифровое право может удостоверить права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права. Материализация данных имущественных прав осуществляется электронными средствами в информационной системе (Ovchinnikov & Fathi, 2019:109). По мнению И.М. Конобеевской, отнесение цифровых прав к объектам гражданских прав является ошибочным (Konobeevskaya, 2019:333). В свою очередь, разделяем позицию относительно двойственного характера цифровых прав: как объектов гражданских прав и — в более широком смысле — как правовой императив в обществе, основанном на информации и современных технологиях, внедрение и обеспечение которых государство обязано гарантировать (Rusakova, Frolova & Gorbacheva, 2020; Rusakova & Frolova, 2022:697).

А.А. Карцхия указывает на важность формирования электронных реестров, которые подтверждают цифровые права на объекты, указанные в таких реестрах, посредством ведения соответствующих записей, кодов (определенной последовательности знаков), а также на переосмысление института коллективного управления авторскими правами в условиях новых технологий, ставит вопрос о «формировании» в самой ближайшей перспективе цифрового права в широком смысле, не ограниченного классической цивилистической, частноправовой доктриной (Kartskhiya, 2019:32—33). В Концепции развития творческой индустрии акцент сделан на необходимость общедоступных сервисов в сфере интеллектуальной собственности, платформ монетизации творческих продуктов, краудинвестинговых платформ, сервисов консультационной, в том числе правовой и бухгалтерской, поддержки.

Есть мнение о том, что цифровая среда, в частности платформы, нуждаются в персонализированных правовых нормах, а новые правовые институты постепенно формируют «платформенное право» (Altukhov & Kashkin, 2021:89; Lobel, 2016). А.В. Габов отмечает, что «как только вопросы платформ перешли из задачи их описания в программах, концепциях, стратегиях в плоскость формулирования конкретных правовых решений, немедленно встал вопрос о том, как регулировать. В самом первом приближении этот вопрос встал в антимонопольной повестке. Уже понятно, что платформа как явление, экономический феномен ведет к перераспределению рыночной власти... Платформы — это изменение экономических отношений собственности; в отдельных работах это отмечается в форме перехода от владения к доступу... это серьезный вызов для права; здесь речь может идти вовсе не о точечных изменениях, а об изменениях парадигмального характера» (Gabov, 2021:76—77).

⁴ Зорькин В.Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан. Российская газета — Столичный выпуск. 2018. №115(7578). Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 06.10.2022).

В российском законодательстве за последние годы получило значительное развитие регулирование цифровой среды. Так, вступили в силу поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации о цифровых правах, приняты Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Указом Президента Российской Федерации № 490 от 10.10.2019 г. утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее — Стратегия 2030).

Несмотря на то, что напрямую цифровизация искусства не охвачена нововведениями, ряд из них имеет важное значение для внедрения новых технологий в том числе в творческой индустрии. Например, одним из приоритетов Стратегии-2030 указано расширение патентов и прикладных технологических решений. Вышеуказанная Концепция развития креативных индустрий устанавливает: в качестве одной из задач — содействие «созданию и внедрению современных цифровых технологий для создания (производства) и распространения товаров и услуг отечественными творческими (креативными) индустриями», направлений государственной поддержки — «развитие системы сервисного обеспечения правовой охраны сделок с интеллектуальными правами и защиты прав результатов интеллектуальной деятельности в онлайн- и офлайн-средах, иных необходимых правовых и финансовых услуг».

В 2022 году в Государственную Думу был внесен законопроект о регулировании невзаимозаменяемых токенов, однако пока не нашел дальнейшую поддержку. Следует отметить, что невзаимозаменяемые токены используются не только в сфере цифрового искусства и могут удостоверяют совершенно различные идентификационные свойства, не только авторство, но и имущественные права, и обязательства, и проч.

Правовая природа и охраноспособность создаваемых цифровых произведений искусства

Произведения искусства могут быть аналоговыми и цифровыми. В соответствии с п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации и те, и другие являются объектами авторского права. Как подчеркивает В.Л. Энтин, в свое время для распространения правил и норм использования произведений, выработанных в XIX в. и закрепленных в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. на новые объекты, порожденные научно-техническим прогрессом, использовались три приема: расширительное толкование, уподобление и юридическая фикция; широкое толкование понятия «искусство» позволило последовательно распространить правовую охрану на фотографии (с 1896 г.), кинематографические произведения (с 1908 г.) (Entin, 2017).

С точки зрения юриспруденции произведение искусства рассматривают как комплекс идей, образов, получивших свое объективное выражение в готовом труде, идеальный объект, созданный в результате творческой деятельности. К признакам произведения искусства относят новизну, оригинальность, уникальность,

возможность стоимостной оценки, непотребляемость, эстетическую или информационную содержательность. Некоторые ученые подчеркивают, что форма выражения, то есть материальное воплощение, так же важна, как и идеальное содержание (Derugina, 2015:90). Материальное закрепление помогает ввести произведение в гражданский оборот, но не является обязательным для защиты прав автора.

М.В. Телюкина относит к характерным чертам цифровых произведений, к которым относятся и цифровые произведения искусства, их числовую природу, оторванность от носителя, распространяемость без потери качества, возможность существования только в виртуальных рамках, отказ от стереотипов презентации и обладание над материальными объектами, редактируемость, исчезаемость, интерактивность (Teliukina, 2018). Последние три характеристики перестали быть типичными с возрастанием использования технологии блокчейн и основанных на ней невзаимозаменяемых токенов как основы цифровых произведений.

Особая роль в развитии новых форм творческой индустрии принадлежит искусственному интеллекту. С.С. Ипполитов отмечает, что искусственный интеллект может участвовать в регулировании арт-рынка, но также и быть автором цифровых произведений искусства (Ippolitov, 2021:10). Широкое использование искусственного интеллекта в различных сферах цифровизации искусства описано выше, однако положение относительно авторства в юридическом значении слова требует отдельного внимания и анализа.

По мнению Р.Ш. Рахматуллиной, для цифровых объектов авторского права в виртуальном пространстве необходимо вводить на законодательном уровне такой критерий охраноспособности, как оригинальность, а исключительное право на объект, созданный машиной, предоставить автору программного продукта (Rakhmatullina, 2020:35). Исследуя правовую природу и охраноспособность виртуального образа, Е.С. Гринь обращает внимание на то, что необходимо определять, являются ли объекты результатом творческого труда (Grin, 2020:147).

По мнению М.Ю. Козловой, «не всегда творчество сопровождается осознанием. Важно, чтобы творческий акт исходил именно от человека, а не от животного или компьютерной программы. Удачным представляется определение творчества как духовной деятельности, результатом которой является создание оригинальных ценностей, установление новых, ранее неизвестных фактов, свойств и закономерностей материального мира и духовной культуры... Как правило, при оценке того или иного объекта как результата творческой деятельности применяются такие критерии, как новизна, уникальность, оригинальность» (Kozlova, 2015:83).

Именно творческая составляющая — краеугольный камень применения к произведениям, созданным искусственным интеллектом или с помощью искусственного интеллекта, авторских прав. Творческая деятельность отождествляется с интеллектуальной, однако не всякая интеллектуальная деятельность носит характер творческой. Рутинные действия, приводящие к появлению шаблонных результатов, как правило, не носят характер творческих.

Как указывают Ю.С. Харитоновна и С.В. Савина, в большинстве юрисдикций исходят из того, что результаты работы искусственного интеллекта не являются охраноспособными, поскольку не основаны на творческих способностях. В качестве примеров приводят законодательство и судебную практику США, Австралии и ЕС (Kharitonova & Savina, 2020:532—533).

Интерес в данной связи представляет, как развивалась американская правовая доктрина в отношении авторских прав искусственного интеллекта. Субъектные характеристики зачастую являлись превалирующими: компьютеры не должны рассматриваться как авторы, потому что им «не нужны стимулы для творчества» (Samuelson, 1986); поскольку компьютерные программы не могут быть «авторами» в законодательном смысле, произведения, созданные компьютерами, не охраноспособны (Clifford, 1997; Barfield & Pagallo, 2020:123); система авторского права США не может наделить правом компьютер, который не обладает правосубъектностью, вместо этого была предложена доктрина «произведений, созданных по найму» (Bridey, 2012) Правоприменитель следует той же юридической логике, один из последних тому примеров — отклонение Советом по рассмотрению авторских прав в феврале 2022 года заявки на охрану авторских прав на произведение искусственного интеллекта под названием «Недавний вход в рай» (“A Recent Entrance to Paradise”).

До недавнего времени законодатели и правоприменители в Китае придерживались точки зрения, что произведенная искусственным интеллектом работа не имеет права на защиту авторских прав. Однако в декабре 2019 г. Окружной суд в Китае постановил, что статья, созданная с помощью алгоритма, не может быть скопирована без разрешения (Krysanova, 2021:228).

Законодательство Великобритании обеспечивает защиту авторских прав на компьютерные произведения, автором которых считается лицо, предпринявшее необходимые действия для создания произведения. Аналогичное законодательство действует в Новой Зеландии, Индии, Гонконге, Ирландии.

Европейская комиссия в докладе «Тенденции и разработки в области искусственного интеллекта — вызовы для системы прав интеллектуальной собственности» (2020) рассмотрела вопрос о том, как применять условия, установленные Судом ЕС⁵ по вопросам охраноспособности произведений, к результатам, полученным с помощью искусственного интеллекта, и результатам, созданным искусственным интеллектом, в результате чего были сделаны выводы, некоторые из которых соотносимы с предметом настоящего исследования: отсутствие гармонизированных правил привело к различным решениям в национальном законодательстве разных государств-членов в отношении произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, поэтому необходима такая гармонизация⁶; существуют риски ложного приписывания авторства работам искусственного интеллекта, «похожим на произведения»; режимы смежных прав в ЕС потенциально распространяются на произведения искусственного интеллекта, не имеющих автора (аудиозапись, вещание, аудиовизуальная запись и новости); целесообразно

⁵ Произведение должна быть «оригинальным», то есть отражающим личность его автора, являющимся выражением его свободного и творческого выбора. Если тема продиктована техническими соображениями, правилами или другими ограничениями, не оставляя места для творческой свободы, такая тема не будет считаться «оригинальной». Предмет должен быть идентифицируемым с достаточной точностью и объективностью. — п.п. 29-32 решения по делу *Cofemel* C-683/17 от 12.09.2019, п.п. 37—39 решения по делам *Infopaq International*, C-5/08, п.п.35-37 решения по делу *Levola Hengelo*, C-310/17 от 13.11.0218.

⁶ Гармонизация вопросов авторства на цифровые произведения в масштабе ЕС широко поддерживается в европейской правовой доктрине и нашли отражение в Директиве ЕС 2019/790 от 17 апреля 2019 г. Об авторских и смежных правах на Едином Цифровом Рынке ЕС — см.: (Synadinou, 2021; Levin, 2021; Ramalho, 2021).

дальнейшее изучение роли альтернативных режимов интеллектуальной собственности для охраны результатов, полученных с помощью искусственного интеллекта, таких как защита коммерческой тайны, недобросовестная конкуренция и договорное право.

В научной литературе рассматривают различные варианты авторства — и квалификацию таких произведений как объектов *sui generis* (Kharitonova & Savina, 2020:533), и признание авторства за искусственным интеллектом с присвоением правосубъектности т.н. электронному лицу (Tolochko, 2021:278), и совместное авторство разработчика программы и пользователя программы (Bafield & Pagalo, 2020:130—131).

Последний из вариантов критикуют за несправедливое уравнивание прав реального изобретателя — человека — и владельца системы (Tolochko, 2022:278). Однако в определенных случаях права не только авторов, но и организаторов творческого процесса защищаются через систему интеллектуальных прав. Так, лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых с обладателями исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (ст. 1240 ГК РФ). Конечно, речь идет не о «вещи», а об охраняемом результате интеллектуальной деятельности (таком как кинофильм, театральное зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных). Однако сам принцип защиты прав организатора создания сложного объекта интеллектуальных прав заслуживает внимания (Alexandrov, 2015:32). Например, при использовании результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта лицо, организовавшее создание этого объекта, вправе указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания (п. 4 ст. 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации). Авторские права на подбор или расположение материалов (составительство) сборника, антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, другого подобного произведения охраняются законом (п. 2 ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Вопрос о присвоении авторства искусственному интеллекту как электронному лицу или юридическому лицу особого рода следует рассматривать в контексте общей дискуссии о статусе искусственного интеллекта. В этой дискуссии звучат самые разнообразные точки зрения, в том числе и об отсутствии у искусственного интеллекта сознания, воли, о его природе как производной от результатов интеллектуальной деятельности человека. Выдвигаются предложения о том, что необходима методология, которая позволит выделять определенные виды искусственного интеллекта, которые могли бы стать полноценными участниками правоотношений (Aleshkova, 2021:196).

Поднимают вопрос о том, «на быстро развивающихся рынках, где произведения, созданные ИИ (искусственным интеллектом — *T.M.*), становятся все более распространенными... могут ли такие требования, как авторство и оригинальность, продолжать иметь значение, учитывая сложность отличия полностью генерирующих машин от других технологий, которые просто оказывают помощь людям в творческом процессе» (Bonadio, Lucchi & Mazziotti, 2022:1195). В случае отнесе-

ния объектов, созданных искусственным интеллектом, к общественному достоянию высказывают опасения в отношении прекращения инвестиций и инновационного развития в данной сфере (Barfield & Pagallo, 2020:123, 131; Krysanova, 2021:228).

Распределенная безопасность в сфере цифрового искусства

Новые по своей сути и форме произведения, новые способы продаж, оплаты, новые возможности взаимодействия всех участников сферы искусства развивают объем и качество складывающихся отношений. Однако мы не можем безусловно согласиться с тем, что они делают художественный рынок «открытым и прозрачным» (Yakushina, 2021:143). Цифровые технологии также усиливают риски подделок, незаконного вовлечения в оборот, использования низкой информированности и даже цифровой безграмотности в интересах злоумышленников. Небезосновательно отмечают важность обеспечения безопасности на «рынке крипто-искусства», предлагают развивать законодательство в области блокчейна, запустить государственную программу массовой токенизации объектов цифрового искусства, находящихся в собственности государства, цифровых копий произведений искусства (Yakushina, 2021:143). Действительно, отслеживание провенанса произведения искусства при помощи технологий, посредством блокчейна возможно и без привлечения эксперта, арт-дилера, так как вся «биография» произведения записана в цепочке блоков, что позволяет проследить всю судьбу произведения, избежать подделок, скрытых обременений, недобросовестных контрагентов и т.п.

Разделяя позицию о важности безопасности на цифровых рынках, предлагаем регулирование этого вопроса строить по принципу «распределенной безопасности». «Распределение» означает не размытость, а своего рода дополняющие друг друга нормативно-правовые обязательства, а также технические стандарты и рекомендации различной правовой природы и различной субъектной направленности, позволяющие в совокупности достигать сбалансированного состояния внедрения инноваций и снижения угроз их неконтролируемой эксплуатации.

Приведем несколько примеров различных по правовой природе регуляторных норм. В ст. 1299 ГК РФ предусмотрены технические средства защиты авторских прав, которыми признаются любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения. Закон фактически запрещает создавать подобного рода технологии, технические устройства или их компоненты, а также использовать их с указанными целями (Kartskhiya, 2018:31).

Еще один вариант нормативно-правового регулирования — гармонизирующие правила на уровне интеграционного объединения. Так, в ст. 6 и ст. 7 Директивы 2001/29/ЕС О гармонизации авторского права и смежных прав в информационном обществе предусмотрены положения о технических средствах защиты авторских прав (программное обеспечение, технология, техническое устройство и т.п.), и сведений об управлении (распоряжении) правами, в соответствии с которыми государства-участники ЕС предоставляют правовую защиту от «актов обхода любых эффективных технологических мер» и «любых действий, направленных на удаление или изменение любой информации об управлении правами».

Также, значима роль технических стандартов и правил. Стандартизация на уровне технических регламентов безопасности или их аналогов должна быть и в отношении аппаратов, и в отношении программного обеспечения, делая всю технологию безопасной. Российская Стратегия 2030 определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений⁷. Данные решения могут быть объектами стандартизации, поскольку в соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стандартизации в Российской Федерации» (подп. 6 ст. 2), такими объектами могут являться: продукция (работы, услуги), процессы, системы менеджмента, терминология, условные обозначения, исследования (испытания) и измерения (включая отбор образцов) и методы испытаний, маркировка, процедуры оценки соответствия и иные объекты. Данный подход, по мнению Ю.С. Харитоновой и В.С. Савиной, соответствует Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации в 2017 г. (Kharitonova & Savina, 2020:541).

Важным представляется и взаимодополняющая система обязанностей минимизировать риски цифровизации творческой сферы для всех субъектов таких правоотношений. Реализация безопасности использования новых технологий для создания произведения, его информационного «овеществления» с целью включения в гражданский оборот, регистрации и любых дальнейших сделок с ним, использования и передачи данных в связи с этим и т.п. должно осуществляться не только государственными органами, уполномоченными лицами (профессиональными участниками), в том числе поставщиками цифровых услуг для сферы искусства⁸, цифровыми посредниками в сфере искусства, но и пользователями, и лицами, осуществляющими доступ. Независимая система аутентификации, оценки и транзакций в сфере цифрового искусства, которая позиционируется как достижение цифровой эпохи, выгодно отличающая его от традиционного искусства, также не может быть вне стандартов безопасности.

Характер и масштаб цифровой среды требуют особых подходов к вопросам безопасности, а расширение рынка диджитал-арта, переход к креативной экономике заставляет задуматься об эффективных механизмах ее обеспечения и в отношении цифрового искусства, безопасности сделок, данных, совмещения аналоговых и цифровых форм искусства и творчества. Принцип распределенной безопасности обеспечивает достижение цели минимизации рисков нарушений прав, злоупотребления правом в условиях гибкости и рассредоточенности цифровых потоков и систем, не замедляя развитие цифрового искусства и обеспечивая нужный

⁷ Сравнивая подходы в Стратегии-2030 и европейских актах, указывают, что в стратегии отражен комплексный подход, в то время как «авторы европейского проекта явно придерживаются более практического подхода и раскрывают понятие системы ИИ описательно, исходя из перечня тех методов и технических решений, которые превращают обычное программное обеспечение в технологию ИИ» (Vlasov, 2021:209).

⁸ Частным примером может служить Отчет Европейского парламента 2017 г. с рекомендациями для Комиссии по гражданскому праву о правилах робототехники, в котором было отмечено, что «тенденция к автоматизации требует, чтобы те, кто занимается разработкой и коммерциализацией приложений искусственного интеллекта, изначально строили систему безопасности и этики, тем самым признавая, что они должны быть готовы принять юридическую ответственность за качество производимой ими технологии» (Trends and Developments in Artificial Intelligence Challenges to the Intellectual Property Rights Framework Final report. Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/394345a1-2ecf-11eb-b27b-01aa75ed71a1/language-en>) (дата обращения: 10.10.2022).

объем, качество, оперативность регулирования, «поддержку» безопасности и соблюдение ее стандартов всеми субъектами.

Заключение

Активное внедрение цифровых технологий в сферу искусства имеет множество положительных последствий: совершенствование художественных средств, создание принципиально новых произведений, расширение доступа к объектам культуры, иными словами, использование технологий направлено на развитие и улучшение среды, в данном случае — культурной среды.

С точки зрения юриспруденции основной вопрос в том, используется ли технология как средство, а критерий творчества атрибутируется человеку, либо речь идет о новом качестве создания произведений и их иной природе — кибер-искусстве. Ведь в большинстве юрисдикций именно творчество и оригинальность лежат в основе прав интеллектуальной собственности.

В случае отнесения цифровых технологий к вспомогательным средствам для творчества или к способам воспроизведения творческой идеи в качестве любой модификации для усиления и изменения средств художественной выразительности, природа и статус произведения цифрового искусства могут рассматриваться в рамках привычных теоретико-правовых и цивилистических конструкций. Новый вид прав, закрепленный в российском гражданском законодательстве — цифровые права — оказывает позитивное регулятивное воздействие, поскольку это не только цифровой способ фиксации имущественных, обязательственных, исключительных прав. Цифровые права соотносятся с появлением новых ценностей в экономике и социуме, т.н. цифровых активов, имеющих нематериальную, а информационную природу. Для произведений цифрового искусства это также означает замену материальному воплощению объективированной идеи на ее кибер-воплощение.

В случае же функционирования цифровых технологий как источника творческой идеи, что пока мы видим только как вероятную перспективу, речь может идти о различных способах юридического сопряжения человеческого и машинного. При формировании новой юридической фикции — электронного лица — для обособления правовой природы и правового статуса искусственного интеллекта, вопрос о кибертворческом начале потребует значительного переосмысления подходов ко многим этическим, философским, теоретико-правовым и цивилистическим началам.

В то же время поступательное регулирование цифровой среды, как это происходит в отношении гражданского законодательства, программных актов, дает возможность апробировать нетрадиционные подходы к регулированию особых объектов прав. При таком регулировании происходит органичное сочетание нескольких детерминирующих направлений цифровизации искусства: развития сферы творчества, регулирования оборота произведений цифрового искусства, прав на них и распределенная безопасность.

Влияние цифровых технологий проявляется в предоставлении доступа широкой аудитории к различным произведениям, совершенствовании средств художественной выразительности, создании принципиально новых произведений. Таким

образом обеспечивается *развитие* творческой среды и сферы искусства, обогащается неокультура. *Регулирование оборота* произведений цифрового искусства как неотъемлемой части творческой (креативной) экономики опирается на классические подходы гражданского права, дополненные новыми институтами «цифровых прав», «цифровых активов» «цифровых платформ». Обеспечение *распределенной безопасности* новых креативных технологий, сделок в сфере цифрового искусства достигается посредством системы регуляторов нормативно-правового и технического правового характера, взаимодополняющих обязанностей минимизации рисков для всех субъектов правоотношений в сфере цифрового искусства и творчества. Подчеркнем, что ни одно из этих направлений не сможет быть обеспечено автономно, по отдельности, без надлежащего учета остальных двух, поэтому комплексное правовое регулирование цифровизации искусства должно учитывать все три важнейших фактора, которые «человеку информационному» приносит с собой новая эра, соединяющая технологии и искусство.

References / Список литературы

- Adiwijaya, D.R. & Rizky, Y. (2018) *Techne as technology and Techne as Art: Heidegger's phenomenological perspective*. *International Journal of Creative and Arts Studies*. 5 (1), 13—24.
- Aleshkova, I.A. (2021) Digital status of personality and legal status of artificial intelligence: new in legal constructions. In: Alferova, E.V. (ed.). *Law, Digital Technologies and Artificial Intelligence: Digest of articles*. Moscow, INION RAN Publ. pp. 186—202. (in Russian).
Алешкова И.А. Цифровой статус личности и правовой статус искусственного интеллекта: новое в юридических конструкциях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 186—202.
- Alexandrov, A.A. (2015) Collection of works of art as an object of the rights of the collector. In: Romanov, E.O. (ed.). *Art and law: tendencies of development and forms of integration: materials of scient.-pract.conf.*, March 11—12, 2015; Russ. Acad. of Arts, UNESCO Fine Arts and Architecture Chair. Yaroslavl, Filigran Publ. Iss. 1, pp. 22—36. (in Russian).
Александров А.А. Коллекция произведений искусства как объект прав собирателя // Искусство и право: тенденции развития и формы интеграции: сб. материалов науч.-практ. конф., 11—12 марта, 2015 г. / ред. Е.О. Романова; Рос. акад. художеств, каф. ЮНЕСКО изобразительного искусства и архитектуры. Ярославль: Филигрань, 2015. Вып. 1. С. 22—36.
- Altukhov, A.V. & Kashkin, S.Yu. (2021) Legal nature of digital platforms and Russian and foreign doctrine. *Actual Problems of Russian law*. 16 (7), 86—94. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094> (in Russian).
Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ и российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 86—94. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094>
- Barfield, W. & Pagallo, U. (2020) *Law and Artificial Intelligence*. Advanced Introduction. Edward Elgar Publishing.
- Bonadio, E, Lucchi, N. & Mazziotti, G. (2022) Will Technology-Aided Creativity Force Us to Rethink Copyright's Fundamentals? Highlights from the Platform Economy and Artificial Intelligence. *International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC)*. (53), 1174—1200.
- Bridy, A. (2012) Coding Creativity: Copyright and the Artificially Intelligent Author. *Stanford Technology Law Review*. (5), 1—28.
- Deryugina, T.V. (2015) Material and ideal as elements of the content of a work of art from the standpoint of Legal Science. In: Romanov, E.O. (ed.). *Art and law: tendencies of development and forms of integration: materials of scient.-pract. conf.*, March 11—12, 2015; Russ. Acad.

- of Arts, UNESCO Fine Arts and Architecture Chair. Yaroslavl, Filigran Publ. Iss. 1, pp. 90—93. (in Russian).
- Дерюгина Т.В. Материальное и идеальное как элементы содержания произведения искусства с позиции правовой науки // Искусство и право: тенденции развития и формы интеграции: сб. материалов науч.-практ. конф., 11—12 марта, 2015 г. / ред. Е.О. Романова; Рос. акад. художеств, Каф. ЮНЕСКО изобразительного искусства и архитектуры. Ярославль: Филигрань, 2015. Вып. 1. С. 90—93.
- Entin, V.L. (2017) *Copyright in Virtual Reality (New Opportunities and Challenges of the Digital Age)*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
- Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (Новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с.
- Gabov, A.V. (2021) Digital platform as a new legal phenomenon. *Perm Legal Almanac*. (4), 13—82. (in Russian).
- Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13—82.
- Grin, E.S. (2020) Virtual image as an object of legal protection. *Actual Problems of Russian law*. 15(6), 143—148. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.143-148> (in Russian).
- Гринь Е.С. Виртуальный образ как объект правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 143—148. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.143-148>
- Ippolitov, S.S. (2021) Intellectual property and points of growth of the creative industry in the Russian economy: blockchain, crypto-art, NFT-tokenization. *Culture and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2 (41), 5—18. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-241-5-18> (in Russian).
- Ипполитов С.С. Интеллектуальная собственность и точки роста творческой индустрии в российской экономике: блокчейн, крипто-арт, NFT-токенизация // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 2 (41). С. 5—18. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-241-5-18>
- Kartskhiya, A.A. (2018) Digital law as the future of classic civil law. In: Afanasyeva, E.G. (ed.). *Law of the Future: Intellectual Property, Innovations, Internet: Yearbook*. Vol. 1. Moscow, INION RAN Publ. pp. 26—40. (in Russian).
- Карцхия А.А. Цифровое право как будущее классической цивилистики // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет: Ежегодник. Вып. 1. / отв. ред. Афанасьева Е.Г. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 26—40.
- Kharitonova, Yu.S. & Savina, V.S. (2020) Artificial intelligence technology and law: challenges of our time. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. (49), 524—549. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-524-549> (in Russian).
- Харитонов Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524—549. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-49-524-549>
- Konobeevskaya, I.M. (2019) Digital rights as a new object of civil rights. *Izvestiya of Saratov un-ta. New. Sier. Economics. Management. Law*. 19(3), 330—334. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334> (in Russian).
- Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330—334. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>
- Kozlova, M.Y. (2015) On the necessary elements of the work as objects of copyright. In: Romanov, E.O. (ed.). *Art and law: tendencies of development and forms of integration: materials of scient.-pract.conf.*, March 11—12, 2015; Russ. Acad. of Arts, UNESCO Fine Arts and Architecture Chair. Yaroslavl, Filigran Publ. Iss. 1, pp. 82-89. (in Russian).
- Козлова М.Ю. О необходимых элементах произведения как объектах авторских прав // Искусство и право: тенденции развития и формы интеграции: сб. материалов науч.-практ. конф., 11—12 марта, 2015 г. / ред. Е.О. Романова; Рос. акад. художеств, Каф.

- ЮНЕСКО изобразительного искусства и архитектуры. Ярославль: Филигрань, 2015. Вып. 1. С. 82—89.
- Krysanova, N.V. (2021) Legal personality of artificial intelligence: doctrine in national and foreign studies. In: Alferova, E.V. (ed.). *Law, Digital Technologies and Artificial Intelligence: Digest of articles*. Moscow, INION RAN Publ. pp. 218—230. (in Russian).
- Крысанова Н.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: доктрина в отечественных и зарубежных исследованиях // *Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Алферова*. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 218—230.
- Kucherenko, P.A. (2015) Examining legal regulation of contemporary fine art. In: Romanov, E.O. (ed.). *Art and law: tendencies of development and forms of integration: materials of scient.-pract.conf.*, March 11—12, 2015; Russ. Acad. of Arts, UNESCO Fine Arts and Architecture Chair. Yaroslavl, Filigran Publ. Iss. 1, pp. 8—11. (in Russian).
- Кучеренко П.А. Рассмотрение проблем правового регулирования современного изобразительного искусства // *Искусство и право: тенденции развития и формы интеграции: сб. материалов науч.-практ. конф.*, 11—12 марта, 2015 г. / ред. Е.О. Романова; Рос. акад. художеств, каф. ЮНЕСКО изобразительного искусства и архитектуры. Ярославль: Филигрань, 2015. Вып. 1. С. 8—11.
- Kuznetsov, M.N. & Chumachenko, I.N. (2018) Digital rights — novels in Russian legislation. *Problems of economics and legal practice*. (4), 97—100. (in Russian).
- Кузнецов М.Н., Чумаченко И.Н. Цифровые права — новеллы в российском законодательстве // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2018. № 4. С. 97—100.
- Levin, M. (2021) The Cofemel Revolution — Originality, Equality and Neutrality. In: Rosati, E. (ed.). *Routledge Handbook of EU Copyright Law*. NY, Routledge. pp. 81—100.
- Lobel, O. (2016) The Law of Platform. *Minnesota Law Review*. 101 (87), 87—166.
- Malyshekin, A.V. (2018) Fine arts and law: forms of interaction and integration. *Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4 (44), 45—50. (in Russian).
- Мальшикин А.В. Изобразительное искусство и право: формы взаимодействия и интегрирования // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 4 (44). С. 45—50.
- Nagrodskaya, V.B. (2015) Modernization of copyright in musical works in cyberspace and open content model. *Actual problems of Russian law*. (12), 66—72. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2015.61.12.066-073> (in Russian).
- Нагородская В.Б. Модернизация авторских прав на музыкальные произведения в цифровой среде и модели открытого контента // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 12 (61). С. 66—73. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2015.61.12.066-073>
- Ovchinnikov, A.I. & Fathi, V.I. (2019) Digital rights as objects of civil rights. *Philosophy of Law*. 3 (90), 104—112. (in Russian).
- Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // *Философия права*. 2019. № 3 (90). С. 104—112.
- Piryazeva, E.N. (2020) Digital music art through the prism of interdisciplinarity. *Philosophy and Culture*. (12), 25—39. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.12.34491> (in Russian).
- Пирязева Е.Н. Цифровое музыкальное искусство с позиций междисциплинарности // *Философия и культура*. 2020. № 12. С. 25—39. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.12.34491>
- Rakhmatullina, R.Sh. (2020) Use of artificial intelligence technologies and features of the protection of its results. *Education and Law*. (11), 173—177. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-11126> (in Russian).
- Рахматуллина Р. Ш. Использование технологий искусственного интеллекта и особенности охраны его результатов // *Образование и право*. 2020. № 11. С. 173—177. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-11126>
- Ramalho, A. (2021) The Competence and Rationale of EU copyright harmonization. In: Rosati, E. (ed.). *Routledge Handbook of EU Copyright Law*. NY, Routledge. pp. 3—17.
- Rusakova, E.P., Frolova, E.E. & Gorbacheva, A.I. (2020) Digital rights as a new object of civil rights: Issues of substantive and procedural law. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. (1100), 665—673. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39319-9_74

- Teliukina, M.V. (2018) Digital product as a civil law object. In: Afanasyeva, E.G. (ed.). *Law of the Future: Intellectual Property, Innovations, Internet: Yearbook*. Vol. 1. Moscow, INION RAN Publ. pp. 70—76. (in Russian).
Телюкина М.В. Цифровое произведение как объект гражданских прав // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет: Ежегодник. Вып. 1 / отв. ред. Афанасьева Е.Г. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 70—76.
- Tolochko, O.N. (2021) Problems of determining the right of intellectual property for products obtained with the use of artificial intelligence. In: *Dynamics of law formation and law realization in the sphere of public-legal relations: collection of scientific papers*. Vol. 3. Minsk, Kolograd. pp. 272—280. (in Russian).
Толочко О.Н. Проблемы определения права интеллектуальной собственности на продукты, полученные с использованием искусственного интеллекта // Динамика право-установления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сб. научн. тр. Вып. 3. Минск: Колорград, 2021. С. 272—280.
- Vlasov, G.D. (2021) Legal Challenges of Artificial Intelligence: European Response. In: Alferova, E.V. (ed.). *Law, Digital Technologies and Artificial Intelligence: Digest of articles*. Moscow, INION RAN Publ. pp. 203—217. (in Russian).
Власов Г.Д. Правовые вызовы искусственного интеллекта: европейский ответ // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 203—217.
- Volozhanina, E.A. (2019) Problems of digital painting. *Architecture and Design*. (1), 9—13. <https://doi.org/10.7256/2585-7789.2019.1.29622> (in Russian).
Воложанина Е.А. Проблематика цифровой живописи // Архитектура и дизайн. 2019. № 1. С. 9—13. <https://doi.org/10.7256/2585-7789.2019.1.29622>
- Yakushina, N.P. (2021) Art-market in the era of digitalization: new trends and prospects. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 1 (99), 143—150. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-199-143-150> (in Russian).
Якушина Н.П. Арт-рынок в эпоху цифровизации: новые тенденции и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1(99). С. 143—150. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-199-143-150>
- Zolotareva, T.A. (2019) Idea Technique in Antiquity. *Humanitarian Vector*. 14 (2), 89—94. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-2-89-94> (in Russian).
Золотарёва Т.А. Идея техники в Античности // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 89—94. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-2-89-94>

Сведения об авторе:

Михалёва Татьяна Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры евразийских исследований, Белорусский государственный университет (БГУ); Республика Беларусь, 220030, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 20; доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0002-3729-7624

e-mail: MikhaliovaT@bsu.by; mikhaleva-tn@pfur.ru

About the author:

Tatsiana N. Mikhaliova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Eurasian Studies, Belarusian State University (BSU); 20 Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus; Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-3729-7624

e-mail: MikhaliovaT@bsu.by; mikhaleva-tn@pfur.ru